

Академик Александр Некипелов:

«Правительству пора прекратить складывать деньги в кубышку»

Ведущий российский экономист рассказал «МК» о новой экономической концепции, которая была подготовлена по поручению Президента РФ

Принципиальную позицию по поводу экономической стратегии России высказали в конце минувшего года российские академики. Их доклад, подготовленный по поручению президента Владимира Путина, был размещен недавно на сайте Российской академии наук. Работу возглавляли три академика РАН: Александр Некипелов, Сергей Глазьев и Виктор Ивантер. Его основной вывод: «Нам нужна рыночная экономика с человеческим лицом. То есть та, которая бы периодически подвергалась коррекции в интересах общества». О деталях экономических коллизий современности корреспондент «МК» побеседовала с одним из авторов — деканом Московской школы экономики МГУ Александром НЕКИПЕЛОВЫМ.

ВВП держится на домашних хозяйствах

— Александр Дмитриевич, чем, на ваш взгляд, было вызвано поручение президента?

— Нашей экономике никак не удастся выбраться на траекторию устойчивого развития. Посудите сами. Глубочайший трансформационный кризис 90-х. Идет мощная ломка всей производственной структуры, обвал в социальной сфере. Инвестиции почти сведены на нет: а как еще можно назвать их пятикратное в годовом исчислении сокращение? После тяжелейшей финансовой катастрофы 1998 года вроде бы наступают новые времена:

страна делает мощный рывок вперед, начинает ликвидировать накопившиеся за 90-е годы «долги». Впервые за долгие годы формулируются амбициозные задачи, решение которых призвано обеспечить модернизацию не только экономики, но и всего нашего общества. И

тут мировой финансовый кризис, который дошел до нас к лету 2008 года. Мы понесли тяжелейшие потери, спад оказался одним из самых глубоких в мире. Но, несмотря на это, экономика поначалу довольно быстро подтянулась до предкризисного уровня. И вроде бы ничего не предвещало дальнейшего ее затухания при довольно высоких ценах на нефть... Но его-то мы, увы, и наблюдаем сегодня. Само по себе такое развитие событий — предмет для серьезного осмысления. Но ситуация усугубляется еще и тем, что как раз сейчас нам аукнулся инвестиционный обвал 90-х. По расчетам сотрудников Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, экономика вступила в период, когда начинается интенсивное выбытие из эксплуатации производственных фондов. Для их компенсации и замены ежегодно будет требоваться примерно два процента валового внутреннего продукта (ВВП). А это значит, что двухпроцентный годовой рост ВВП, к которому мы сейчас скатились, на деле позволяет экономике лишь стоять на месте. В этих условиях, как мне кажется, вполне естественным является стремление разобраться в сути происходящего, попытаться найти решения, которые внесли бы перелом в нарастающие негативные процессы.

— Читателей, разумеется, интересует ответ на главный вопрос: сейчас мы в кризисе?

— По формальным критериям говорить о кризисе нельзя, ВВП все-таки немного растет. Но при этом промышленное производство на нуле, не ослабевает мощный отток капиталов из страны. Технологического рывка явно не получается, чему, собственно, не приходится удивляться в условиях, когда решение проблем науки в стране связывается с развертыванием бюрократического произвола.

— За счет чего же еще происходит рост ВВП?

— Главным фактором сегодня является высокий уровень спроса домашних хозяйств. И слава богу: иначе давно ушли бы «в минус»! Меня, откровенно говоря, изумляют сетования некоторых коллег на «чрезмерно быстрый» рост доходов в стране. Где они были в 90-х, когда имел место «некоторый» спад уровня жизни, выставивший значительную часть населения за черту бедности? Сегодняшний рост личных доходов — это результат действия рынка труда, а не чьей-то преступной расточительности. Отражая дефицит трудовых ресурсов, в особенности высококвалифицированных, этот рост буквально подталкивает нас к переходу к новой, высокотехнологичной, трудосберегающей экономике. В эту же сторону нас «тянут» и поистине революционные процессы в мировой научно-технологической сфере. Но чтобы встать на этот путь, нужно резко интенсифицировать инвестиционный процесс, а не убивать спрос домашних хозяйств. Проблема инвестиций, по убеждению авторов «академического доклада», — сегодня ключевая. Мы также считаем, что решить ее в приемлемые сроки, уповав исключительно на силы рыночной саморегуляции, невозможно. Нужна активная государственная политика. Причем такая политика, которая не отесняет частный сектор на обочину экономики, а напротив, открывает перед ним новые возможности для развития. Не отменяет такая политика и необходимости многих структурных реформ, в том числе и уже объявленных в стране. Но мы убежде-

ны, что почти религиозная вера во всецелие реформ и рецепты «экономики предложения» — это верный путь в тупик.

— Что же у нашего правительства за консультанты? Как называется их экономический курс?

— В моем понимании дело обстоит следующим образом. В идейном плане правительство склоняется к тому, что экономический успех станет результатом оздоровления рыночной среды в результате структурных реформ и системы мер, направленных на повышение активности частного сектора. Однако на деле его действия, с одной стороны, ситуативны, а с другой — отмечены наивным стремлением решить серьезнейшие проблемы за счет каких-то чудодейственных рецептов. Ситуативность проявляется в попытке «лобового» решения текущих вопросов. Намечаются проблемы с бюджетом? Режем без разбору государственные расходы, в том числе на науку, образование, инфраструктурные и модернизационные проекты. Для выхода из кризиса нужны средства? Без удержу накапливаем резервы в государственных фондах, по сути дела, лишая страну ресурсов на модернизацию. Только верой в чудодейственные средства могу объяснить «приватизационные прожекты» правительства, которые оно толком так и не объяснило обществу. А как можно относиться в нынешней экономической ситуации с ее многообразием сложнейших проблем к взятому курсу на создание в Москве мирового финансового центра? Могут привести только одну аналогию: «Ударим автопробегом по бездорожью!».

Как правительству изжить в себе Плюшкина?

— Если правительство примет вашу стратегию, что изменится?

— Мы не призываем закрывать глаза на реалии современной мировой экономики. Резервы на случай непредвиденного развития ситуации нужны. Но, во-первых, резервы нужны оптимальные по размерам, а не «чем больше, тем лучше». А во-вторых, этот оптимальный размер сам по себе зависит от типа проводимой политики. Авторы доклада исходили из того, что в долгосрочном плане главная страховка от кризисов — гармоничная структура российской экономики. Но одних лишь причитаний по поводу пребывания нашей экономики «на нефтяной игле» недостаточно. Нужно формировать условия для того, чтобы ресурсы — и не только отечественные — пошли в высокотехнологичные производства, в инфраструктуру. Именно поэтому решение президента использовать средства из фонда благосостояния на крупные инфраструктурные проекты мы считаем очень важным шагом.

— А как понять, сколько надо денег оставить в резервном фонде, а сколько вложить в промышленность, науку?

— Давайте посмотрим на наш собственный опыт периода мирового финансового кризиса. С августа 2008 года по февраль 2009-го мы истратили из валютных резервов 200 миллиардов долларов. Это огромная сумма, на тот момент эквивалентная стоимости всей добытой в стране нефти примерно за полтора года. Примем без доказательств утвержде-

ние, что такие траты были неизбежны, что совсем не бесспорно. Но и тогда мы увидим, что эта поразжающая воображение сумма составляла всего лишь треть всех валютных резервов страны. Неужели это не наводит на мысль, что немалая часть остающихся 400 млрд долл. должна быть отнесена к избыточным резервам? Или лучше оставаться в плену плюшкинского мировоззрения?

— Неужели у нас совершенно не работает Министерство экономики?

— В наших условиях вопрос о формировании резервов и обращении с ними — почти что монополия Минфина. Я не обладаю всей полнотой информации, и вопрос об оптимальном масштабе резервов, быть может, где-то и обсуждался за закрытыми дверями. Не исключено, что упомянутые инициативы президента являются первыми подвижками в этом вопросе. Как бы то ни было, хотя бы для власти в этом вопросе должна быть ясность.

Есть, кстати, еще две нередко называемые причины, которыми объясняют необходимость держать деньги «в кубышке»: опасность разгона инфляции и перспектива того, что все средства разворуют. Действительно, если огромные суммы долларов выбросить на валютный рынок, а Центральный банк скупит их за напечатанные с этой целью рубли, то инфляционного взрыва не избежать. Если еще при этом и «отвернуться», то никак нельзя исключить воровства. Но ведь не об этом речь. Часть ресурсов могла бы быть использована для централизованного импорта, скажем, современного оборудования для здравоохранения и науки. Но основную часть следовало бы трансформировать в долгосрочные валютные кредитные линии под реализацию проектов, связанных с необходимым импортом оборудования и технологий российскими фирмами. Распределение таких кредитов должно было бы проводиться государственным финансовым институтом на сугубо коммерческой основе. Для устранения злоупотреблений при этом институте было бы целесообразно создать наблюдательный орган из представителей бизнеса, который бы контролировал как организацию конкурсов, так и выполнение принятых проектов. Создание таких механизмов точно обезопасило бы нас от инфляции.

Урок Роберта Зеллика

— Вы согласны с Алексеем Кудриным, который называет главной проблемой нашей страны «ресурсное проклятие»?

— Конечно, нет. В моем представлении это то же самое, что курицу, которая несет золотые яйца, объявить источником всех бед. Не топливно-сырьевая «курица» — источник бед, а те, кто не может разумно пользоваться тем, что она предоставляет в их распоряжение.

Если бы богатство ресурсами действительно представляло угрозу экономике, то не существовало бы никакой мировой конкуренции за контроль над ними. А американцы и на порог не пустили бы «сланцевую революцию».

— Кстати, а по какой причине у нас для своих граждан все время растут цены на бензин и газ?

— В каких-то случаях сказывается доминирующее положение на рынке поставщиков, но нельзя не видеть и того, что внешние цены на соответствующие продукты и внутренние цены на них взаимосвязаны, хотя экспортные пошлины и позволяют поддерживать различия в их уровнях. При этом снижение цен на мировых рынках механически не транслируется на рынок национальный, если одновременно курс отечественной валюты падает.

— Есть ли смысл в условиях нашей развивающейся промышленности отдавать предпочтение отечественным производителям?

— Я — сторонник формирования собственной инновационной системы. Конечно, этот путь сопряжен с повышенными текущими издержками: ведь и наш научный потенциал (особенно прикладной) далеко не в идеальном состоянии, да и институциональные разрывы между наукой и производством велики. Но следование по пути импорта западной продукции чревато, как мне кажется, очень серьезными потерями в долгосрочном плане: прежде всего потерями научного, а потому и образовательного потенциалов. А на их воссоздание, как свидетельствует мировой опыт, потом понадобятся десятилетия. Впрочем, при нынешнем отношении к науке этот вопрос может быть, к сожалению, решен без всяких дискуссий.

Что касается преференций национальным производителям, то сфера их применения должна быть ограниченной приоритетными областями, а масштабы предоставляемой поддержки должны быть известными заранее и убывающими во времени. Иначе конкурентоспособности отечественного производства мы никогда не обеспечим.

Мне довелось присутствовать на одном из раундов переговоров с американской стороной о вступлении России в ВТО. Американцы на тот момент только ввели протекционистские меры в отношении своей сталелитейной промышленности. Герман Греф, который был тогда министром экономического развития и вел переговоры с российской стороны, спросил своего американского партнера Роберта Зеллика о том, как это все согласуется с принципом приверженности свободной торговле. Ответ Зеллика был мгновенным: «Наша сталелитейная промышленность сейчас в плохом состоянии. Мы ее приведем в порядок и вновь откроем. Это будет на пользу всей мировой экономике». Не думаю, что мы должны подходить к вопросам подобного рода с иных позиций.

— И это вы отразили в своем докладе?

— Да.

Откуда берется доход в \$50 миллионов?

— Шокируют сводки журнала Forbs о зарплате ведущих менеджеров газо- и нефтедобывающей отраслей нашей страны в условиях экономического кризиса. За

что они получают по 25–50 миллионов долларов в год? Нет ли в вашей концепции мысли о том, что разрыв зарплат в стране не должен быть таким сумасшедшим?

— В докладе весьма серьезное внимание уделено анализу ситуации и назревшим мерам в социальной сфере. Однако этот конкретный вопрос мы не ставили, поэтому выскажу личную точку зрения. У рыночной экономики свои законы. За редкий ресурс (в данном случае управленческий) идет жесткая конкуренция. При этом заработная плата определяется тем приростом дохода, который, с точки зрения конкурентов, соответствующий менеджер способен принести фирме. Понятно, что это верхняя граница, но, поверьте, для крупных международных компаний она очень высока. Иными словами, платят так много не за «красивые глаза», а для того чтобы заполучить вожделенный ресурс. Конечно, можно спросить: а зачем же платить много руководителю в компании, где ключевым собственником является Российское государство? По простой причине: если мало платить ему, то компания не сможет привлечь эффективных специалистов, нередко зарубежных, на более низкие, но очень важные позиции. Рынок таких специалистов сегодня является глобальным, и надо понимать, что, если российская компания борется за высокую конкурентоспособность, она должна подчиняться его требованиям.

— Хорошо, оставим нефтедобывающую отрасль, которая хоть что-то производит. А взять хоккеистов или футболистов — какую пользу государству приносят эти долларовые миллионеры?

— Пример спортсменов очень удачен, ведь профессиональный спорт сегодня — это огромный бизнес. Выдающиеся спортсмены обладают уникальными качествами, и эти качества очень высоко ценятся рынком (то есть в конечном счете любителями спорта, а не абстрактным государством). Иногда удивляются: какие там могут быть доходы от продажи билетов? Да разве только продажа билетов? А плата за демонстрацию по ТВ, а спортивная символика, а реклама? В одном можно быть уверенным: руководители спортивных клубов с огромным удовольствием платили бы меньше, но не могут себе этого позволить...

— Вы считаете себя приверженцем рыночной экономики?

— Эффективной альтернативы рыночной экономике на нынешнем этапе человеческого развития просто нет, и уж у нашей страны была возможность в этом убедиться. Значит ли это, что общество должно безропотно воспринимать любые результаты ее действия? Нет, не значит. Мы ведь не возмущаемся запретом свободного рынка наркотиков, считаем такое положение дел вполне оправданным с социальной точки зрения. Точно так же общество имеет право корректировать действие рыночного механизма в тех случаях, когда считает, что это в его долгосрочных интересах. Конечно, корректировать тоже нужно с умом, чтобы не подорвать сам рынок. Но в этой части особых тайн для экономической теории и практики нет. Насущные для современной российской экономики меры такого регулирования мы и пытались сформулировать в докладе.

О падении рубля и помощи Украине

— Вот сейчас у нас падает курс рубля. Что этому способствует?

— Курс падает из-за того, что уменьшился приток валюты в страну, не прекращается отток капитала. При этом Центробанк взял курс на переход к «свободному плаванию» рубля. И хотя этот переход еще не завершен, колеблемость (волатильность) курса рубля уже сейчас серьезно возросла. Для реального сектора экономики это создает серьезные проблемы: резко затрудняется планирование бизнеса.

— Извините, а зачем оно вообще нужно, это свободное плавание рубля?

— Плавающий курс поглощает (абсорбирует) так называемые внешние шоки. Фиксированный курс и свободное движение краткосрочных, спекулятивных денег между странами (которое сейчас — норма) создают взрывоопасную смесь, чреватую финансовыми катастрофами. Российская власть, видимо, хорошо помнит, что оба кризиса — 1998 и 2008–2010 годов — произошли в условиях режима «валютного коридора», и не хочет повторения этого. Но, повторяю, непрогнозируемая колеблемость курса создает большие проблемы для реального сектора экономики. С нашей точки зрения, здесь нужен поиск компромиссного решения. Его суть в сохранении мягкой регулировки курса вкупе с мерами по ограничению трансграничных спекулятивных потоков капитала.

— Снова борьба со спекуляцией?

— Вернуться к неконвертируемости рубля по капитальным статьям, конечно, невозможно. Но есть мягкие способы воздействия на трансграничные перетоки краткосрочных капиталов. Один из них был предложен нобелевским лауреатом из США Джеймсом Тобином еще в 70-х годах XX века. Чтобы ограничить дестабилизирующее влияние спекулятивных переводов средств между странами, он предложил ввести специальный налог («налог Тобина»). Речь шла о небольшом налоге на каждую операцию по обмену валюты. Для обычной компании, участвующей во внешнеэкономических сделках, такой налог был бы практически неощущаемым. А для того, кто 10 раз в день перебрасывает валюту через границы и каждый раз меняет деньги, затраты серьезно возросли бы. Эта мера не уничтожила бы спекулятивные потоки, но существенно уменьшила бы их, а следовательно, и их негативные последствия. На практике использовались различные варианты этой идеи; сегодня наиболее популярная из них — налог на финансовые операции. Убежден, что и для современной России реализация этой идеи в той или иной форме была бы весьма уместной.

— Как вы относитесь к последним событиям на Украине?

— Решать свою судьбу предстоит, конечно, самим украинским гражданам. Как экономист, который в свое время исследовал дезинтеграционные процессы вначале в рамках СЭВ, а затем и Советского Союза, я слишком хорошо знаю, что массы людей в такие моменты меньше всего интересуются реальными последствиями. Потом наступает отрезвление.

ние, но уже ничего изменить нельзя. Что с этим можно сделать, я не знаю. Но позиция России во время всей этой эпопеи мне представляется абсолютно разумной и достойной.

— Нужно ли нам было давать им кредит в 15 млрд из Фонда национального благосостояния?

— Я к этому отношусь спокойно. Ну несколько уменьшится объем наших активов, представленных ценными бумагами американского казначейства. Конечно, вложение более рискованное, но и существенно более доходное. В том числе и с экономической точки зрения.

материал: Наталья Веденева

© Электронное периодическое издание «МК.ru»

<http://www.mk.ru/print/articles/971270-akademik-aleksandr-nekipelov-pravitelstvu-pora-prekratit-skladyivat-dengi-v-kubyishku.html>